

**ДУХОВНЫЙ РЕАЛИЗМ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ
КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ***А.М. Любомудров*

Опыт эстетического освоения духовной реальности, запечатленный в творчестве русских писателей Нового времени, в ряде научных работ получил название «духовный реализм». Картина соотношения литературы с христианской духовностью очерчена в большей степени в отношении века XIX-го, нежели XX-го. Между тем именно в XX столетии происходит интереснейший процесс: начинает воцерковляться художественное творчество, активно сближаются после долгого разрыва светское искусство и православное мировоззрение, восстанавливается ценностный порядок, который лежал в основе средневековой христианской культуры.

В современном литературоведении, посвященном религиозной проблематике, стало уже привычным употребление терминов «духовное», «душевное», «телесное» в их богословском значении. Христианская антропология восходит к суждениям апостола Павла о «человеке душевном» и «человеке духовном», имеющем «ум Христов» (1 Кор. 2: 14-16), о различии «жизни по плоти» и «жизни по духу» (Римл. 8: 13). Если к *душевной* стороне относятся мысли, желания, чувства, воображение, способность познания, то дух, согласно свт. Феофану Затворнику, – «высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу». Понятие «духовный» применительно к обсуждаемым в работе явлениям употребляется в религиозно-философском, а не общекультурном значении. «Духовность» подразумевает строго христианскую духовность, как качество той сферы личности, которая взаимодействует с трансцендентным началом.

Конкретные типы реализма тесно связаны с миропознавательной платформой художника, с его пониманием истины. Исторически сложившийся в XIX веке реализм, получивший название «критического» или «классического», был сопряжен с эвдемоническим миропониманием. Он заострен на социальных вопросах и психологии, в целом ему присущ природный или исторический, социальный или психологический (душевный) детерминизм. Лучи из мира иного могут временами проникать в художественное пространство критического реализма, но не оказывают решающего влияния на ход вещей. Явным или подспудным стимулом большинства писателей-классиков (хотя и не всех) было стремление к благу для человека в пределах наличного, земного бытия, достигаемого, по большей части, путем изменения окружающих обстоятельств. Ведущие эстетические принципы возникавших в XX столетии иных разновидностей реалистического метода, как и характер их идеалов, также относят эти виды реализма к эвдемоническому типу культуры.

Однако существует и такое художественное творчество, осью которого является не та или иная горизонтальная связь явлений, а духовная вертикаль. Речь идет даже не столько о мировоззрении (художника или героя), но о духовном *мировосприятии, миропонимании*. Если в предмет такого творчества включены и духовные реалии, воссозданные в рамках христианской картины мира, если признается онтологический статус Бога, идея бессмертия души и как важнейшее делание – ее спасение в вечности, то такое искусство относится к сотериологическому типу культуры.

В чистом виде такое искусство осуществилось в Средневековье, в присутствии ему эстетических систем. Одной из важнейших художественных задач при этом была разработка темы преображения человеческой души, не в автономно-нравственном отношении, но именно как прорыва к Богу. «Обожение» мыслилось как процесс синергии Божественной воли и свободного произволения человека. Заметим, что в медиевистике в определении метода этого искусства (средневекового, православного) прочно утвердились термины, понятийным ядром которых стал именно реализм: «средневековый реализм», «христианский реализм», «идеал-реализм» и т.п. Культура, подвергнувшаяся секуляризации, утрачивала это художественное мирозерцание. Однако в XIX веке в России наблюдается и обратный процесс. Отдельные попытки «духовного возрождения» предпринимаются уже в новых эстетических системах, с применением новых художественных средств, причем в них можно наблюдать элементы реализма, но иного, не «классического» типа, поскольку осью его становится духовная вертикаль. (На сегодняшний день достаточно полно эти тенденции исследованы в отношении Пушкина, в значительной степени – Гоголя, Достоевского, отчасти – в отношении менее крупных литераторов, прежде всего поэтов.)

В этом значении термин «реализм» восходит к спору *номиналистов и реалистов*, который со времен Средневековья не прекращается в философии до сих пор и, очевидно, в пределах земного опыта разрешен быть не может. Напомним, что «если первое воззрение, номинализм, неизбежно разрешает мир в субъективный иллюзионизм замкнутого, имманентного опыта (притом искусственно ограниченного и отпрепарированного), то второе воззрение постулирует и стремится постигать в доступной нам теперь форме мир вещей, сущего»¹. Соответственно, противоположны их миропознавательные платформы: номиналисты разделяют веру и разум, реалисты соединяют их (о «верующем разуме» писал, в частности, А.С. Хомяков).

Пафос русской религиозной философии начала XX века – борьба с разными видами современного номинализма, проявляющегося в науке и искусстве как эмпиризм, позитивизм. «Именно те, которые переносят веру и мистику исключительно в субъективную действительность человеческого духа, те, которые отрицают мистическую реальность бытия и пути соединения с ней ... должны быть признаны рационалистами. Мистиками остаются те ... для которых таинства и чудеса реальны и объективны. Номиналисты обычно рационалисты, реалисты обычно мистики. Рационалисты те, для кого утрачено реальное со-

держание и реальный смысл слов и понятий; мистики те, для кого слова и понятия полны живого, реального содержания и смысла», – отмечал Н. Бердяев². Понятие реализма, часто с добавлением уточняющего эпитета «мистический», широко используется в работах религиозных мыслителей и в целом лежит в русле средневекового, христианского понимания «реализма». Мистический реализм, особенно свойственный русскому восприятию христианства, согласно формулировке прот. В. Зеньковского, «признает всю действительность эмпирической реальности, но видит за ней иную реальность; обе сферы бытия действительны, но иерархически неравноценны; эмпирическое бытие держится только благодаря «причастию» к мистической реальности... Идея христианства ... утверждает необходимость просветления всего видимого, всего эмпирического через связывание его с мистической сферой, – все историческое бытие, все в жизни личности должно быть освящено через это преображающее действие Божией силы в эмпирической сфере»³.

В трудах философов-культурологов XX века можно встретить и словосочетание «духовный реализм», синонимичное понятию «мистического реализма». Протоиерей Г.Флоровский пишет о «высшем и духовном реализме», учитывающем «не только извивы исторического бытия, но и гораздо более действительные, хотя в исторической эмпирии и неосуществленные Божественные меры бытия, – Божию волю о мире»⁴. Н. Бердяев размышляет о том, что «кенозис, боговоплощение, нисхождение Бога в человеческий мир есть духовный реализм, а не символизм, и этому духовному реализму должны соответствовать процессы в человеческом мире»⁵. В частности, в этике: «Символизм в этике есть этика душевная, в которой духовность символизируется и дается в знаках. Реализм в этике есть этика духовная, в которой духовность реально осуществлена, ее качества овладевают душевной жизнью»⁶.

Понятие реализма в этом значении использовалось преимущественно в философском дискурсе, но применялось и непосредственно к художественному творчеству. «В великой русской литературе настоящие мистические реалисты... – Тютчев и Достоевский», – полагал Н. Бердяев⁷; вслед за ним и С.Франк отмечал «непосредственность мистического реализма» у Тютчева⁸. Поскольку одно из центральных мест в *философской категории* «реализма» занимает миропознавательный аспект, то совершенно оправданным представляется применение понятия «духовный реализм» и как *эстетической категории*, где удерживалось бы именно такое понимание реализма: признания трансцендентных сущностей реально существующими. Иначе говоря, богословско-философская и художественно-эстетическая категории реализма не тождественны, но имеют общее и достаточно широкое смысловое поле. И в этом смысле всякий писатель, действующий на христианской познавательной платформе, – реалист, он говорит о реальном мире именно в его реальном объеме, куда входит и то, что не подлежит эмпирической проверке.

В попытках обозначить художественный способ, язык для передачи «вертикальных» составляющих бытия и писатели, и литературоведы подыскивали

свои определения. Достоевский называл свой метод «фантастическим реализмом», реализмом «в высшем смысле», цель которого – отразить «глубины души человеческой», найти «в человеке человека». Действительно, предметом художника стал «внутренний человек», который иначе назван апостолом «духовным» (и противопоставленным человеку «внешнему» и «плотскому») (2 Кор. 4: 16). Н. Бердяев определял Достоевского как «пневматолога», утверждая, что «его «психология» всегда углубляется до жизни духа, а не души, до встречи с Богом»⁹. В современных исследованиях можно встретить определения творчества Достоевского как «православного реализма», «духовного реализма». Такой реализм присутствовал в творчестве и других прозаиков и поэтов. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) определяет метод А.К. Толстого: «реалист, но не плоти, а духа; вернее – плоти, преображенной духом. Он утверждал дух и свет Христов как реальность, как практику»¹⁰. «Реализму духа» архиеп. Иоанн противопоставляет, с одной стороны, материалистическое мировоззрение русских шестидесятников, с другой – спиритуализм и романтизм¹¹.

В современном литературоведении складывается традиция употребления понятия «духовный реализм», под которым подразумевается специфическое художественное мироосмысление, присущее ряду классиков XIX и XX в. Признаки духовного реализма А.П. Черников усматривает в «цельном православном мировоззрении» писателя и «устремленности его творчества к Абсолюту»¹²; В.А. Редькин – в присутствии в произведении «реальности иного, духовного мира» и «облечении христианских идеалов в художественную форму»¹³; А.А. Алексеев – в поиске «возрождения человека на путях веры и христианской любви», ориентации на Царство Небесное¹⁴; М.М. Дунаев – в «освоении пространства вне душевной сферы бытия, над нею»¹⁵.

Представляется плодотворным и оправданным использование дефиниции «духовный реализм» как наиболее точно характеризующей суть описываемого явления культуры – *художественного освоения духовной реальности, то есть реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека.*

О необходимости всестороннего его изучения говорит тот факт, что нынешние исследователи видят в нем даже одно из трех основных направлений литературы последнего периода: «В литературе XX столетия обозначились три выхода за пределы традиционного реализма ... в модернизм (во всех вариантах) и через него в постмодернизм; в социалистический реализм; и в то искусство, которое, за неимением пока лучшего термина, можно обозначить как духовный реализм»¹⁶.

Безусловно, русская классика XIX – начала XX веков достигла непревзойденных вершин в художественном отношении. Бесспорно, отечественная литература отличается особым вниманием к внутреннему миру личности, напряженной устремленностью к идеалу (по-своему понимаемому каждым писателем), обостренной совестью, состраданием к человеку. Большинству классиков никогда не был свойственен приземленный прагматизм и утвержде-

ние комфорта как конечной цели существования. Свои лучшие качества литература Нового времени унаследовала в том числе и от христианского Средневековья. Но движение литературы происходило уже вне сферы собственно религиозной: и взгляд на мир, и понимание человека порой решительно расходились с христианскими (православными). Церковь (как богочеловеческий организм) оказалась вне сферы художественного внимания. Особенность историко-литературного развития XVIII – начала XX веков в том, что христианство (православие) так и не получило адекватного художественного воплощения.

Причин тому было много, и одна из них, может быть, в том, что, находясь в России, писатели просто не замечали православия, как не замечают воздух, пока он есть. Вероучительные догматы и олицетворявшая их церковь казались слишком привычными, слишком казенными, неодолимыми. В сознании большинства представителей интеллектуальной и творческой элиты мистический Богочеловеческий смысл церкви был утрачен. Поэтому с пробуждением интереса к религиозной проблематике на рубеже XIX–XX столетий художественные поиски пошли по пути обновления, преодоления, отталкивания от «церковности», культуuroобразующий слой общества устремился к новым религиозным системам.

Эти искания в самой России были пресечены тотальной атеистической идеологией. В зарубежье традиции Серебряного века были продолжены, но вместе с тем культурная ситуация оказалась иная: православие и связанные с ним ценности для эмигрантов уже воспринимались не изнутри, а извне. Только вдали от родины неожиданно был обнаружен материк православной культуры, мир Святой Руси. Системное освоение и принятие православия на всех уровнях, в том числе личностном, мировоззренческом, породило в итоге пласт художественных явлений, которые воссоздали этот мир в образах, – произведений духовного реализма. Таких художников, впрочем, было немного. Среди писателей первого ряда – всего двое: Борис Зайцев и Иван Шмелев. Их без оговорок можно назвать *православными писателями*. Они являются таковыми и по личному мировоззрению, и по содержанию своего художественного предмета.

Попытка всестороннего описания специфических особенностей духовного реализма в творчестве двух классиков русской литературы XX века предпринята в специальной работе¹⁷. Сформулируем некоторые выводы в отношении каждого из них.

Художественным предметом Б. Зайцева стала Святая Русь – комплекс эстетических, мировоззренческих, религиозных, философских, национальных, культурных компонентов, базирующийся на православном христианстве как абсолютной Истине. Преимущественное внимание художника сосредоточено на передаче таких сторон православия, как смирение, кротость, духовная красота, покой. В центре художественных интересов писателя – православное монашество, аскетическое делание. Доминирует мысль о доверии Творцу и Его премудрому Промыслу, направляющему человека на путь спасения. Сверхзадача Зайцева – воцерковление искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия.

Особенностью творчества Зайцева является то, что эту задачу он реализовал во всех основных литературных жанрах.

Духовный реализм Зайцева отличают своеобразные эстетические принципы. Это прежде всего «эстетическая проповедь», выражающаяся в преимущественном воссоздании эстетической стороны православия. Для нее характерно обращение к чувственной, эмоционально-душевной сфере читателя, неприятие рационализма и любых форм непосредственного проповедничества, учительства. Художественным способом православного миссионерства в творчестве Зайцева стал импрессионизм как ведущая черта стиля. Установка на переживание Истины была вполне сознательна, и среди заметок писателя встречается ее теоретическое обоснование.

И. Шмелев впервые в русской литературе широко и полно запечатлел воцерковленное бытие. Жизнь его персонажей неразрывно сопряжена с церковью, ориентирована на мистическое соучастие в ней. Особенность духовного реализма Шмелева – прямое отображение действия Промысла Божия в судьбах людей. Персональная Воля Всевышнего непосредственно становится одной из действующих сил, можно даже сказать, «действующим лицом» художественного произведения («Няня из Москвы», «Пути Небесные», «Куликово поле»), и с такой широтой и последовательностью, как у Шмелева, ее роль не выражена больше нигде. Шмелев впервые широко ввел в литературу чудо как непосредственное действие Промысла в мире.

Особенностью духовного реализма Шмелева является его повышенный документализм: вся его проза опирается на факт. Сила художественного воображения направлена у него не на конструирование образов, а на их воссоздание. Почти все главные персонажи главных его книг – реальные лица, с которыми автор был знаком. Эстетическая особенность духовного реализма Шмелева – его высокая эмоциональность, необычайная сила вещной образной выразительности. Важнейшим стилистическим приемом является сказ, для которого характерны мастерское перевоплощение автора в персонажей, способность объективировать их миропонимание.

В противоположность Зайцеву, творческий акт Шмелева всегда рождается из внутренней потребности разрешить какой-то мучающий его вопрос или укрыться от терзающих душу переживаний и скорбей. В сердцевине его произведений – последние вопросы бытия: смерть, страдание, спасение; в движении сюжета отражается напряженный процесс проверки идей. Эти идеи не безличностны, но пропущены через личность – либо непосредственно самого автора, либо автора, перевоплощающегося в персонажа.

Творческое наследие двух писателей являет два лика русского православия, каждый из которых – подлинный, ибо открывает одну из сторон единой веры. Предложены пути для развития традиций, двух эстетических решений воцерковления творчества.

Но, конечно, ряд «духовных реалистов» минувшего столетия не исчерпывается этими именами. Можно наметить перспективы дальнейшей разработки те-

мы. Необходимо установить специфику духовного реализма в творчестве писателей, которых не назовешь «классиками», но каждый из которых – малая жемчужина, сияющая своим неповторимым светом в короне российской словесности. Если говорить о первой половине XX века, то в литературе метрополии это Н. Манасейна, А. Платонова, М. Солопова (игуменья Таисия), А. Герцык, С. Нилус, Е. Поселянин; в литературе зарубежья – прозаики В. Никифоров-Волгин, Л. Зуров, поэты А. Гессен, С. Бехтеев, очеркист В. Маевский и другие.

Предстоит уточнить связи художников XX века с их предшественниками – духовный реализм по-своему проявлялся в творчестве Пушкина, Гоголя, А.К. Толстого, Хомякова, Достоевского.

Было бы интересно сопоставить исследуемый феномен русской культуры с западноевропейскими типологически схожими течениями – с т.н. «католическим возрождением» (Бернанос, Блуа, Мориак), с произведениями Элиота, Клоделя, Честертона. Сопоставления могли бы привести к новым открытиям как в области эстетики духовного реализма, так и в сопоставлении двух типов культур.

Нужно, конечно, исследовать и процессы в литературе второй половины XX века – вплоть до современной. При этом в рамки духовного реализма, думается, не удастся вписать книги, допустим, Ю. Домбровского или Ч. Айтматова: несмотря на религиозно-философскую проблематику, их художественные произведения не базируются на христианском духовном мировидении. С другой стороны, безусловным «реалистом духа» является замечательный православный поэт Александр Солодовников, проведший десять лет в лагерях, – его стихи, распространявшиеся в самиздате, стали известны читателям совсем недавно.

Имеет ли духовный реализм перспективы в литературе XXI столетия? Будут ли традиции классиков подхвачены и продолжены или останутся уникальным явлением XX века? Пока невозможно говорить об устойчивой традиции – тем более что творчество художников, для которых высшей ценностью стала христианская духовность, как отечественных, так и эмигрантов, долго оставалось под запретом и вошло в культурную жизнь России только в 1990-е г. Тем не менее в последнее десятилетие в отечественной литературе возникают явления, которые с той или иной мерой приближения можно причислить к духовному реализму. Спектр имен здесь может выглядеть очень пестрым и широким – от С. Аверинцева («Духовные стихи») до Ю. Лощица, от Н. Карташевой до О. Николаевой, от А. Варламова до В. Крупина. Немалую популярность приобрели в самые последние годы книги Ю. Вознесенской – написанные в жанре «православного фэнтези», они в то же время повествуют именно о духовных реалиях.

В отечественной литературе возникают явления, которые получают в критике названия «православного реализма». Интересна, например, дискуссия, прошедшая в 1998 г. на страницах журнала «Москва»¹⁸, о новом направлении в литературе, для которого предлагались названия «христианская проза», «православная проза» (с такими определениями, впрочем, согласились не все). Суть этого направления видится во внимании к метафизике (К. Кокшенева: «Какова

же связь с миром тех, кого мы называем новыми реалистами?.. Я говорю о той реальности, что принадлежит не человеку, но Богу»).

Размышляя о причинах того, что выдающихся художественных результатов эта литература пока не продемонстрировала, участники отмечали, что «отношения между писателями и церковью в России всегда были очень драматичными», что почти не было литераторов «глубоко церковных, укорененных в православный быт и не порвавших с этой укорененностью в зрелые годы»¹⁹. Характерно, что среди этих немногих воспомянуты имена Шмелева и Зайцева, к опыту которых, возможно, когда-нибудь обратятся новые «реалисты духа».

¹ Булгаков С.Н. Два града. М., 1911. С. 279.

² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 36.

³ Зеньковский В., *прот.* История русской философии: В 2 т. Ростов-на-Дону, 1999. Т. 1. С. 44–45.

⁴ Флоровский Г., *прот.* Евразийский соблазн // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского Зарубежья: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 310.

⁵ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 397.

⁶ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 213.

⁷ Бердяев Н.А. Декадентство и мистический реализм // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 25.

⁸ Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. 1913. Кн. XI. С. 11.

⁹ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С. 218.

¹⁰ Иоанн (Шаховской), *архиеп.* Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 183.

¹¹ Там же. С. 187.

¹² Черников А.П. Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга, 1995. С. 316.

¹³ Редькин В.А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Тверь, 1999. С. 46, 81.

¹⁴ Алексеев А.А. Проблема духовного реализма в русской классической литературе XIX века // Дергачевские чтения – 98: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 1998. С. 22–24.

¹⁵ Дунаев М.М. Православие и русская литература. М., 1999. Ч. 5. С. 663.

¹⁶ Дунаев М.М. Православие и русская литература. М., 2000. Ч. 6. С. 415.

¹⁷ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Б.К.Зайцев, И.С.Шмелев. СПб., 2003.

¹⁸ Писательский клуб. Реализм: мода или основание мировоззрения? // Москва. 1998. № 9. С. 41 – 59.

¹⁹ Там же. С. 42, 51.